

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.133.09-3+929Монпансье

ГЕРОИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В «МЕМУАРАХ» МАДЕМУАЗЕЛЬ ДЕ МОНПАНСЬЕ

С. Ю. Павлова

Саратовский государственный университет
E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

В статье рассматриваются проявления героики в «Мемуарах» Мадемуазель де Монпансье на примере событий Фронды. Анализируются ее представления о героическом поведении, а также развитие героического наполнения образа протагонистки в связи с влиянием исторических, этических и литературных факторов.

Ключевые слова: мемуары, французская литература XVII века, героический образ, Мадемуазель де Монпансье, Фронда.

Heroic Spirit in *Memoires* by Mlle de Montpensier

S. Yu. Pavlova

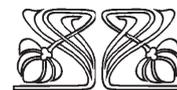
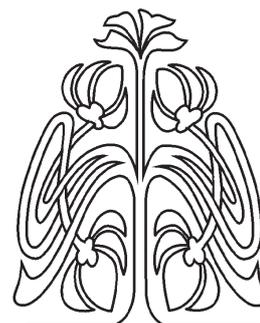
The article considers instances of heroics in *Memoires* by Mlle de Montpensier on the example of the Fronde events. Her ideas of heroic behavior are analyzed as well as the development of the heroic content of the protagonist image under the influence of historic, ethical, and literary factors.

Key words: memoires, French literature of the XVIIth century, heroic image, Mlle de Montpensier, Fronde.

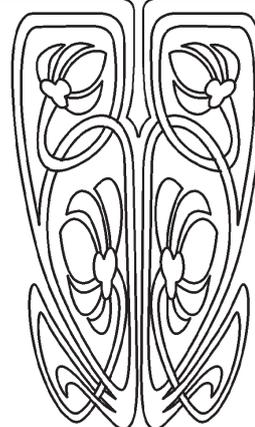
DOI: 10.18500/1817-7115-2015-15-4-61-66

«Мемуары» Мадемуазель де Монпансье (1627–1693), создававшиеся на протяжении почти сорока лет, позволяют выявить различные грани образа протагонистки в их трансформации и взаимодействии. Героическое начало в нем явственнее всего проявляется в описании событий Фронды. В отличие от мемуаристов-мужчин, принимавших активное участие в гражданской смуте середины XVII в. (Реца, Ларошфуко, Бюсси-Рабютена и др.), Мадемуазель не претендует на создание хроники войны, а описывает лишь те эпизоды, которые связаны с ее действиями.

К перипетиям первых двух лет Фронды мемуаристка не проявляет особого интереса, сообщая о них довольно бегло и вперемешку с более значимыми для нее событиями придворной жизни. Свою позицию она определяет следующим образом: «В то время я думала только о своих развлечениях <...> и не очень была осведомлена об общественном благе, равно как о благе государства»¹. Настоящую заинтересованность в вопросах высокой политики Мадемуазель начала проявлять только в ходе войны в Гиени и осаде Бордо летом 1650 г. Изменение ее взглядов отражается в образе героической дочери Франции, вставшей на защиту интересов короны. Сразу отметим, что сама мемуаристка не считает свои действия проявлением героики: «Я не знаю, что такое быть героиней: мое происхождение предполагает только величие и высоту во всем, что я делала, и это можно назвать как угодно, а я называю это следованием своей склонности и своему пути, так как, согласно моему рождению, иное невозможно» (1, 275). Высокое происхождение, овеянное легендарной героикой прошлого, выступает основой для создания образа протагонистки, которая «естественным образом привыкла считать себя рожденной с другой кровью, чем остальные люди, даже дворяне, и идущей рука об руку только с королевами и королями»².

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

В ходе Фронды действия Мадемуазель де Монпансье были продиктованы желанием выполнить свое предназначение. Она видела его в укреплении государственности путем усиления союза короля и принцев крови в противовес влиянию кардинала Мазарини. Наиболее отчетливо позиция Мадемуазель зафиксирована в ее первой публичной речи, обращенной к муниципальным судьям Орлеана: «Кто не знает, что возраст, в котором находится король, обязывает Месье и Принца более чем кого бы то ни было принимать участие в его советах, поскольку никто так не заботится о государстве и его сохранении, как они? Следовательно, сам здравый смысл ведет к пониманию того, что нужно следовать их партии и что она является партией короля, хотя его особа в ней не состоит, и что причина всех наших сегодняшних несчастий в том, что мы видим ее в руках иностранца, который думает только о собственных интересах и не заботится ни о короле, ни о государстве» (1, 186). Слова мемуаристки отчетливо отражали мнение большинства французов, считавших, что итальянское происхождение Мазарини делало его врагом национальных интересов.

Фрондерство Мадемуазель заявило о себе с миссии посредницы между мятежными парламентариями Бордо и кардиналом. Ее обращения к Мазарини о необходимости заключения мира привели к тому, что кардинал шутливо произнес слова, ставшие впоследствии пророческими: «Боюсь, что бордосский воздух, который вы вдыхаете через свои окна, в дальнейшем может сделать вас фрондеркой» (1, 138). В мемуарах это первая попытка связать образ протагонистки с идеей Фронды. Вкладывая процитированные слова в уста своего будущего противника, Мадемуазель стремится подчеркнуть смелость своих действий и избежать упреков в необъективности. С этой же целью она характеризует свои взгляды как фрондирующие и через оценку еще одной иностранки, Анны Австрийской (1, 142). Таким образом, уже в период пребывания в Бордо, когда герцогиня де Монпансье еще открыто не противостояла политике Мазарини, она занимала особую позицию и проявляла независимость.

При описании действий протагонистки после возвращения в Париж и на протяжении всего 1651 г. на первый план выходит ее умение находить контакт с представителями городской буржуазии. Мадемуазель демонстрирует и особое отношение к себе простых людей. «Народ Парижа всегда меня очень любил, потому что я там родилась и выросла, – пишет она, – это вселяет ему уважение ко мне и большую привязанность, чем обычно испытывают к людям моего происхождения <...>» (1, 97). Знаком искреннего расположения парижан становятся приведенные в тексте высказывания горожан и солдат в адрес принцессы, в которых звучит благодарность или благословение (1, 235; 1, 242). Она легко вступала в разговор с обычными людьми, например с уличной торговкой

или стражниками, но при этом всегда сохраняла дистанцию и поистине королевское достоинство. Отношение народа акцентирует важную грань героического образа Мадемуазель, связанную с ее миссией покровительницы французов.

В этой части мемуарного повествования большое значение имеет эпизод примирения Мадемуазель с принцем Конде. Ее антипатия, уходящая корнями в конфликт между младшими ветвями дома Бурбонов из-за казни герцога Монморанси, напрямую выражается в тексте и доходит до нескрываемого желания того, чтобы «принц провел свою жизнь в тюрьме» (1, 136). Однако восстановление согласия между Гастоном Орлеанским и Конде в ходе Фронды принцев дало возможность Мадемуазель проявить семейную солидарность и изменить свою позицию. Произшедшую перемену она четко фиксирует в тексте: «...в этот момент я решила преодолеть безрассудную неприязнь, которую имела к принцу» (1, 150). Мемуаристка констатирует изменение своего отношения к Конде, но в причины его не углубляется. Весомость ее слову придают не логически убедительные пояснения, а высокий статус принцессы, предполагающий только уважительное доверие. Решение Мадемуазель выглядит внезапным, хотя и подготавливается заранее опережающими события оценочными конструкциями, позволяющими его предположить («нет ничего более несправедливого, чем неприязнь, которую я испытывала к принцу; с тех пор она сильно изменилась», 1, 125). Как справедливо пишет Ж. Гарapon, в этой внезапности решения, кардинально меняющего линию поведения героя, мемуаристка ориентируется на Корнеля, чьи трагедии она высоко ценила и имела собрание его сочинений в своем доме³. В духе высокой корнелевской героики описываются и дальнейшие действия Мадемуазель, до конца сохраняющей верность мятежному принцу.

Вплоть до марта 1652 г. в повествовании чередуются эпизоды, имеющие отношение к гражданской смуте и придворной жизни, причем с преобладанием последних. В это время способом реализации фрондерства Мадемуазель было слово, что отразила мемуарная хроника ее контактов с принцем Конде и его сторонниками. Она пока не предпринимала решительных действий, в отличие от других известных участниц Фронды. В качестве примера активного поведения знатных аристократок К. Буйер вспоминает о побеге госпожи де Лонгвиль в Нормандию, вопреки приказанию явиться ко двору, и об отъезде принцессы Конде в Гиень после пленения ее супруга⁴. Оба факта зафиксированы в мемуарах, но совершенно лишены героического ореола. Мадемуазель сообщает о них как о будничных событиях, хотя в действительности обе женщины подверглись серьезным опасностям и действовали смело. Нейтральный тон повествования призван обозначить незначительность совершенного ими, поскольку

в мемуарах примером славной героики действия становятся поступки самой Мадемуазель.

Активная фаза ее участия во Фронде принцев пришла на март-июль 1652 г. и была ознаменована двумя главными событиями: въездом в Орлеан и сражением в Сент-Антуанском предместье. Они оказали влияние на трансформацию образа протагонистки. Из умелой посредницы она превратилась в воительницу-амазонку, которая скачет верхом навстречу опасности, дает смотр войскам, принимает участие в военных советах, даже получает свой полк. Героический образ амазонки выстраивается с ориентацией на популярные в аристократических кругах поэмы Ариосто «Неистовый Роланд» (Брадаманта) и Тассо «Освобожденный Иерусалим» (Клоринда). Однако важнейшей для Мадемуазель остается идея высокой миссии, предназначенной ей как представительнице королевского дома Бурбонов.

Именно в таком ключе строится рассказ о ее поездке в Орлеан для предотвращения перехода этого важного в стратегическом отношении города в руки мазаринистов. Фрондеры рассчитывали на то, что права законного владельца Орлеанского апанажа поддержит своим присутствием в городе Месье, однако в силу нерешительности характера он предпочел переложить эту обязанность на плечи дочери. Судьбоносный характер предстоящей поездки отразило предчувствие протагонистки, высказанное ее секретарю за сутки до принятия решения: «Держу пари, что в Орлеан поеду я» (1, 174). Величие предстоящего поступка мемуаристка обозначает словами господина де Шавиньи, человека, согласно ее оценке, умного и обученного самим кардиналом Ришелье: «Вот самое прекрасное в мире дело, достойное вас» (1, 175). В том же ключе его заведомо воспринимала и сама Мадемуазель. Получив приказ отправиться в Орлеан, она «почувствовала в сердце такую радость, которая была знаком необыкновенной судьбы, связанной с осуществлением этого дела» (1, 175). Особое отношение Мадемуазель к поездке в Орлеан, оставшееся неизменным и в момент написания мемуаров, связано с тем, что в ее представлении необыкновенная судьба (*fortune extraordinaire*) и необыкновенные поступки (*choses extraordinaires*) определяют ту возвышенную стезю, которая была предначертана ей по рождению. События в Орлеане предстают как первое славное свершение, соответствующее ее статусу принцессы крови.

Героический ореол вокруг орлеанского эпизода создают детали, характеризующие действия протагонистки и ее окружения. Мемуаристка пишет о бесчисленном количестве людей на улицах Парижа, благословлявших ее отъезд, о солдатах, с радостью взиравших на прекрасную наездницу, об армейских офицерах, радовавшихся прибытию Мадемуазель, «даже больше, чем если бы это был Месье» (1, 178). Она начала отдавать приказы и получила уверения военачальников в том, что без ее указаний не будет ничего предпринято.

Оказавшись в непривычной для себя обстановке военных действий, Мадемуазель быстро освоилась и сумела себя поставить. Ее властность и поистине королевское достоинство проявились после отказа герцога де Бофора сообщить о своих планах, мотивированного наличием прямых приказов от Гастона Орлеанского. Свой ответ непокорному герцогу мемуаристка передает следующим образом: «... я ему сказала, что не думаю, что Месье изменил намерение спустя четыре часа после моего отъезда <...> что не думаю, что Месье отправил меня отдавать приказы, о которых я не имею ни малейшего понятия, и что, следовательно, он (Бофор. – С. П.) может бросить их в огонь за ненадобностью. Он больше об этом не говорил и сказал, что подчинится мне» (1, 179). В этом диалоге возобладали власть принцессы не только как особы более высокого ранга, но и женщины, вынудившей подчиниться мужчине.

Мадемуазель была полна решимости во что бы то ни стало оказаться в Орлеане. Невзирая на просьбу членов городского совета отсрочить прибытие и рекомендации своих «министров», она неукоснительно шла к достижению поставленной цели. Слова, обращенные к герцогу де Рогану, в полной мере демонстрируют как твердость и смелость ее характера, так и движущие мотивы поведения, восходящие все к той же идее спасения государства от власти кардинала: «Что касается меня, то нечего и обсуждать, я войду прямо в Орлеан. Если сначала они не пустят меня, я не отступлюсь <...> Если я войду в город, мое присутствие укрепит дух тех, кто расположен служить его королевскому высочеству, оно вернет тех, кто не расположен <...> Если клика *мазаринистов* сильнее, я буду держаться против них так, как смогу; если же, наконец, они заставят меня выйти, я направлюсь в армию <...>» (1, 180). Своими речами Мадемуазель пыталась воздействовать и на народ, приветствовавший ее с городских укреплений криками «Да здравствует король, принцы! Нет Мазарини!» В ответ на этот популярный в период Фронды клич она дерзко подстрекала жителей города встать на свою сторону: «Идите в Ратушу и заставьте открыть мне ворота» (1, 181). В духе средневековой идеи о союзе знати и народа как основы блага Франции она демонстрировала свою готовность вершить великие дела.

Намерения Мадемуазель воплотились в столь же решительных действиях, которые передает повествование о «штурме» Орлеана. Его предваряет воспоминание о предсказании астролога, полученном в день отъезда протагонистки из Парижа и отмеченном в ее записной книжке: «Все, что вы предпримите с полудня среды 27 марта до пятницы, будет иметь успех, и также в это время вы совершите необыкновенные поступки» (1, 181). Предсказание само по себе воспринимается как знак судьбы, но его важность усиливается в тексте при помощи аналепсиса. Повествовательница нарушает хронологию и цитирует слова астролога в

преддверии рассказа о кульминации орлеанской операции. Он строится по принципу последовательной передачи событий, но отличается особой динамикой, детальностью и экспрессией. Как верно замечает В. Д. Алташина, «о напоре и решительности мадемуазель говорят глаголы действия, которые она употребляет»⁵. Мемуаристка прибегает и к выразительному сравнению. Утверждая, что «мало думала о том, какой выбрать путь» (1, 182), она называет свои действия похожими на поведение кошки, всегда безошибочно падающей не четыре лапы. Использованное сравнение передает свойственное ей в тот момент чувство уверенности в себе и благополучном исходе дела.

Рассказ о его осуществлении демонстрирует бесстрашие принцессы и показывает, что ее стремление к славе, «приобретенное ценой риска, игры с опасностью тесно согласуется с аристократической ментальностью»⁶. Обнаружив основные ворота Орлеана закрытыми, Мадемуазель решила проникнуть внутрь со стороны реки и осуществила свой замысел с помощью лодочников, которые пробили брешь в крепостной стене и открыли ей путь в город. Невзирая на опасность, она прошла по шаткому мосту, составленному из лодок, поднялась по высокой лестнице к проделанному в воротах отверстию и, проникнув сквозь него на руках одного из слуг, оказалась в Орлеане. Ее героический демарш был встречен восторженными криками толпы и боем барабанов. Мемуаристка передает состояние душевного подъема, переходящего в эйфорию, отмечая, что не замечала количество пройденных ступеней, не понимала, несут ли ее на руках или на деревянном стуле, наконец, что от радости была «вне себя» (1, 183). Свое восшествие в Орлеан она расценивает как триумф, а преодоленные ворота называет знаменитыми (1, 183). Дерзкое величие ее поступка подчеркивает деталь, связанная с названием этих ворот. «Взбучка» – так они стали именоваться в честь принцессы, преодолевшей их вопреки и в назидание противникам.

Войдя в Орлеан победительницей, она «командовала в городе» (1, 184), «действовала с абсолютной властью» (1, 185), «приказывала то, что хотела» (1, 195). Эти формулировки находят подтверждение в описании основных событий, произошедших в период ее пребывания в Орлеане. Речь идет о том, как Мадемуазель распорядилась вернуть крестьянам украденный у них скот, убедила членов муниципалитета открыть принцу Конде доступ в город, определила направление движения армии и т. д. Мемуаристка не скрывает, что дорожила своим авторитетом, а потому была оскорблена страхами находящегося в ее подчинении губернатора провинции в отношении опалы со стороны Конде и отказалась от письменного свидетельства отца на право распоряжаться в городе, поскольку считала собственное происхождение самым весомым аргументом в пользу своей власти. Будучи полновластной хозяйкой в

Орлеане, она, тем не менее, воспринимала свое могущество как дань служения королю. Об этом свидетельствует ее реакция на просьбу горожан воспользоваться для нужд армии или своих собственных денежными средствами, собранными в качестве королевского налога. «Я не просто была рассержена, а даже испытала отвращение от этого предложения» (1, 193), – пишет Мадемуазель, четко выражая свое представление об этических нормах и социальной иерархии. В целом описанные в этом эпизоде действия протагонистки отличаются самостоятельностью принятия решений, смелостью, благородством и чувством собственного достоинства.

Орлеанский эпизод представлен в мемуарах как важный этап Фронды принцев. Такое представление складывается не только на основании авторской позиции, но и благодаря оценкам других людей. Самые значимые из них принадлежат Гастону Орлеанскому и принцу Конде. Обе представлены в письмах, процитированных мемуаристкой. По словам отца, Мадемуазель спасла Орлеан и укрепила Париж, в котором «все говорят, что (ее. – С. П.) поступок достоин внучки Генриха Великого» (1, 192). В схожих восторженных выражениях высказывается и принц: «Это поступок, который в силах совершить только вы и который имеет высшую значимость» (1, 194). Однако, по мнению историков, прибытие Мадемуазель в Орлеан не сыграло заметной роли в ходе Фронды⁷. Важным, поистине героическим в плане ее индивидуальных действий орлеанский эпизод является только для самой принцессы, стремящийся посредством мемуаров закрепить о нем именно такое представление. В ее глазах он выступает меркой для сравнения со всеми последующими событиями Фронды.

Особое отношение мемуаристки к воспоминаниям об Орлеане объясняется, как минимум, тремя причинами. Во-первых, первой по времени возможностью проявить себя в духе славной героини королевского дома Бурбонов. Во-вторых, фактом защиты города, входившего в апанаж ее отца. Способность держать в повиновении свои владения продемонстрировала силу знатных родов как единственной опоры монарха. В-третьих, славной историей Орлеана, связанной с героическими подвигами Жанны д'Арк, самой знаменитой французской воительницы и защитницы национальных интересов. Имя Орлеанской девы возникает в сравнении, использованном английской королевой в связи с ее брачными планами в отношении сына (1, 213). Мемуаристка вводит эту параллель осторожно, как бы невзначай, придавая словам королевы иронический оттенок. Тем не менее, отсылка к Жанне д'Арк подспудно возвышает образ протагонистки и усиливает его героическое наполнение.

Второй эпизод, относящийся к героическому прошлому Мадемуазель в период Фронды, представляет собой описание сражения в Сент-

Антуанском предместье 2 июля 1652 г. По словам Ж. Гаропона, он предстает «очень близким и очень отличным от предыдущего». И далее: «Структурное сходство между двумя рассказами очевидно: Мадемуазель каждый раз заменяет отсутствующего отца, решительным действием она несет очень высоко честь Орлеанского дома, так же как ее кузен честь дома Конде. Рассказ снова стремится доказать параллелизм их славного поведения <...> И все-таки доминанта целого глубоко трагическая»⁸. Не славное, а трагическое наполнение героини в этом эпизоде определяется прежде всего самим масштабом сражения. Согласно мнению историков, оно имело серьезные последствия, потрясло современников, а «Мадемуазель сыграла в нем главную роль, которую Людовик XIV никогда не простит»⁹.

В мемуарах значимость сражения вновь предвосхищает предчувствие принцессы: «...я думаю, что завтра совершу какой-то поступок, столь же непредвиденный, как в Орлеане» (1, 225). Действительно, на следующий день ей пришлось безуспешно уговаривать отца отправиться на помощь принцу Конде, вести переговоры с муниципалитетом Парижа о спасении армии фрондеров в стенах города, давать распоряжения о помощи раненым, наконец, приказать развернуть пушки Бастилии в сторону королевских войск и сделать несколько залпов. Мадемуазель действовала решительно и смело, ничуть не изменяя себе. «Я считала, что еще находясь в Орлеане, видя, как я командовала, и как мне подчинялись» (1, 231), – пишет она, показывая неизменность своего поведения в качестве главы фрондеров и отношения тех, кто находился под ее началом. Усилия протагонистки были тяжелыми и продолжительными. Встав в шесть часов утра, она оставалась на ногах до позднего вечера и не спала всю ночь. Беспокойство за исход сражения и возмущение поведением отца привели ее в состояние сильнейшего нервного напряжения, воспоминание о котором удивляет даже саму мемуаристку и не находит у нее никакого другого объяснения, кроме провиденциального: «...я не понимаю, как я смогла сделать все, что сделала в таком волнении, но это было одно из следствий чуда, посланного нам Богом в этот день» (1, 231).

Несмотря на схожую линию поведения героини мемуаров во время сражения в Сент-Антуанском предместье, общее наполнение эпизода отличается от орлеанского. В значительной степени он состоит из описаний раненых и убитых, что усиливает трагический накал повествования: «Когда я шла по улице Сент-Антуан, то на каждом шагу находила раненых: одних в голову, других в тело, в руки, в ноги; верхом, пешими, на лестницах, досках, носилках были мертвые тела» (1, 230). Мадемуазель называет имена своих знакомых (Жарзе, Ларошфуко, Гито, Ларош-Жифара), получивших тяжелые увечья, и описывает их страшные раны с натуралистическими подробностями. Она рассказывает и о безвестных солдатах, погибших или пострадавших в бою. Совмещение детального и па-

норамного изображения формирует страшную картину жестокого кровопролития, унесшего многие жизни. Реалии сражения накладывают отпечаток на образ протагонистки, дополняя его способностью сострадать жертвам войны. Показательно, что слово «сострадание» («*crîté*») повторяется в этом эпизоде многократно. Мадемуазель рассказывает, как помогала раненым: от несчастных немцев, не владевших французским языком, до герцога Ларошфуко, которого она пыталась поддержать словом. Чтобы укрепить силы солдат, принцесса отправила им вино и услышала в ответ: «Мы выпили за ваше здоровье, вы наша избавительница» (1, 235). В отличие от орлеанского эпизода, ее действия были продиктованы не только намерением помочь принцу Конде так, как подобает дочери Месье, но и желанием сохранить армию, уменьшить число жертв. Выступая защитницей солдат, Мадемуазель обрела героическое величие в сострадании.

Трагическую тональность повествованию о битве в предместье придает и иной уровень осмысления событий Фронды. Выполняя то, что по статусу надлежало сделать Гастону Орлеанскому, Мадемуазель уже в предшествующем эпизоде выражала недовольство поведением отца. К моменту сражения у ворот Парижа оно усилилось из-за вторичного отказа Месье от решительных действий в поддержку Конде и подозрений в предательстве его интересов. Кроме того, принцесса со всей очевидностью осознала, что ее соратники искали свою выгоду и пренебрегали интересами дела: «...госпожа де Шатийон, г-да де Немур и де Ларошфуко, которые рассчитывали по соглашению получить сто тысяч экю для первой, губернаторство для другого и для последнего аналогичную сумму, думали только о том, как принудить к нему принца любой ценой и вели бесконечные переговоры с двором, таким образом, они совсем не думали о наборе рекрутов, ни о новых войсках. Кардинала Мазарини всегда забавляли этими усилиями во имя собственных интересов, а не партии и принца; хотя он утомлял их своими милостями, но тем временем собирал войска со всех сторон» (1, 224). Упреки в попытках договориться с двором Мадемуазель предъявляла и принцу Конде, тогда как самоотверженностью парижских буржуа и простых солдат восхищалась. Присущая ей достоверность в изображении мотивов поведения фрондеров объективно снижала славную идею борьбы во имя государства и общественного блага, столь важную для французской знати.

Вспоминая об этом дне, мемуаристка не только обнаруживает более трезвый взгляд на действия сторонников партии принца, но и на результаты своего в нем участия. Используя прием двойного регистра, она передает чувство горделивого восхищения величием своих дел, но одновременно показывает ограниченность тогдашнего понимания ситуации и неспособность в полной мере осознать ее последствия: «Когда вечером и каждый раз впоследствии я думала о том, что спасла эту армию,

признаюсь, что испытывала чувство глубокого удовлетворения и одновременно большого изумления от мысли о том, что также дала вкатить пушки королю Испании в Париж и внести красные знамена с крестами Святого Андрея. Радость, которую я испытывала, оказав такую значительную услугу партии и сделав в этом столкновении нечто совсем не рядовое, что, возможно, никогда не происходило с людьми моего положения, помешала мне прийти к тем размышлениям, которые возможны сейчас, после этого, и которые могли бы поколебать [мою радость]» (1, 236). С позиции времени Мадемуазель понимает, что недооценила последствия своего приказа стрелять из пушек по армии короля. Залпы из Бастилии навсегда разрушили ее надежду на брак с Людовиком XIV и не дали возможности осуществить свои мечты. В сравнении с такими последствиями, орлеанский эпизод «кажется лишь предварением или генеральной репетицией этого ключевого эпизода, который перевернул судьбу»¹⁰.

Таким образом, героическое начало в повествовании об участии Мадемуазель в событиях Фронды предполагает высокое служение во имя короля, государства и общественного блага, сопряженное с проявлением отваги, решимости, авторитета, милосердия и благородства. В мемуарах наблюдается движение от славной героини восшествия в Орлеан к трагической героини сражения в Сент-Антуанском предместье. Первый эпизод, несмотря на слабую историческую значимость, наиболее соответствует представлениям Мадемуазель о поведении принцессы из славного дома Бурбонов, а также соотносится с историческим и популярным

литературным источникам. Второй эпизод, будучи одним из знаменательных в истории гражданского противостояния, играет поворотную роль в судьбе самой мемуаристки. Он представляет собой достоверную и выразительную картину кровавого сражения, наполненную трагизмом и состраданием. Константные черты героического образа протагонистки дополняют трагические оценки повествовательницы, что свидетельствует о развитии аналитической техники мемуарного повествования.

Примечания

- ¹ *Mademoiselle de Montpensier*. Mémoires : en 2 t. Paris, 1985. Т. 1. Р. 110. Здесь и далее текст цитируется в нашем переводе по этому изданию с указанием тома и страницы в скобках.
- ² *Sainte-Beuve Ch. La grande Mademoiselle // Sainte-Beuve Ch. La grande Mademoiselle*. La Bruyère. Paris, 1891. Р. 4.
- ³ О влиянии трагедий Корнеля на мемуаристку см.: *Garapon J. La Grande Mademoiselle mémorialiste. Une autobiographie dans le temps (Thèse de IIIème Cycle, Paris IV, 1986)*. Genève, 1989. Р. 128–130.
- ⁴ См.: *Bouyer C. La Grande Mademoiselle. La tumultueuse cousine de Lois XIV*. Paris, 2004. Р. 64.
- ⁵ *Алташина В. Д. Поэзия и правда мемуаров (Франция, XVII–XVIII вв.)*. СПб., 2005. С. 95.
- ⁶ *Garapon J. Op. cit.* Р. 143.
- ⁷ *Ibid.* Р. 130.
- ⁸ *Ibid.* Р. 145, 146.
- ⁹ *Ibid.* Р. 145.
- ¹⁰ *Ibid.*

УДК 821.161.109-2:096

ТЕАТР КНИГИ. ЗРЕЛИЩНОСТЬ В РУССКОЙ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЕ КОНЦА XVII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII В.

А. Н. Зорин

Саратовский государственный университет
E-mail: art-zorin@yandex.ru

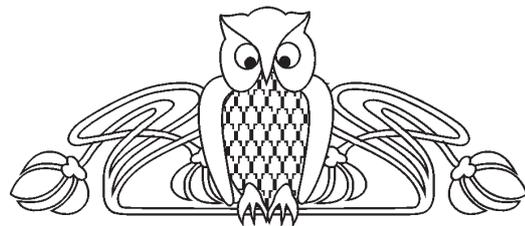
В статье рассматривается тема визуализации театральных элементов в текстах первых русских пьес конца XVII – начала XVIII вв., соотносённости с западноевропейской и русской культурой книгоиздания.

Ключевые слова: книжная культура, театр, драматургия барокко, ремарка, иллюстрация.

Theatre of the Book. Visual Appeal in the Russian Book Culture of the End of the XVIIth – the First Third of the XVIIIth Century

A. N. Zorin

The article considers the topic of visualizing theatre elements in the texts of the first Russian plays of the end of the XVIIth and the begin-

ning of the XVIIIth century in its relation to the West-European and Russian book printing culture.

Key words: book culture, theatre, baroque drama, remark, illustration.

DOI: 10.18500/1817-7115-2015-15-4-66-70

Книге как источнику знаний новейший век пытается придать несколько маргинальный характер. На главенствующие позиции выдвигаются визуальные искусства. В то же время взгляд в глубину веков позволяет заявить, что сама по себе книга оказала непосредственное влияние на характер этой визуальности.

Ряд ученых отмечают, что появление зрелищных, театральных элементов в книжной культуре связано с уникальной российской эстетической